

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-16-2-124-139

УДК 327.7

Д.О. Матяшова

Санкт-Петербургский государственный университет,
119034 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Организация Объединенных Наций и построение эмоционального режима вокруг устойчивого развития: вызовы и решения

Исследование эмоций в контексте международных организаций способствует углублению понимания принципов их функционирования. В этом контексте изучение Организации Объединенных Наций (ООН) как субъекта, генерирующего и транслирующего политические эмоции по поводу решения глобальных проблем современности, представляет собой актуальную задачу. В статье анализируется, каким образом ООН стимулирует и транслирует эмоции по поводу устойчивого развития и с какими вызовами при этом сталкивается. Для этого концепция устойчивого развития рассматривается в контексте эмоциональных режимов У. Редди. Вспомогательным методом для анализа эмоционального режима по поводу устойчивого развития служит сентимент-анализ с помощью языковой модели distilBERT. В результате выявлено, что ООН формирует эмоциональный режим по поводу устойчивого развития, выделяя конкретные и близкие индивидам объекты сопереживания, транслируя эмоции из различных источников с разными целевыми аудиториями, обеспечивая единство эмоционального режима с точки зрения регистра транслируемых эмоций. В то же время вызовами для ООН остается ослабление ассоциативных связей между практиками устойчивого развития и самой организацией, а также рассогласованность в поддержании режима субъектами и необходимость для ООН предоставлять площадку для несогласных с идеями устойчивого развития, выражающих по этому поводу негативные эмоции.

© Матяшова Д.О., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Ключевые слова: устойчивое развитие, Организация Объединенных Наций, политические эмоции, эмоциональный режим, Уильям Редди, сентимент-анализ

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Матяшова Д.О. Организация Объединенных Наций и построение эмоционального режима вокруг устойчивого развития: вызовы и решения // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2025. Т. 16. № 2. С. 124–139. DOI: 10.31862/2500-2988-2024-16-2-124-139

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-16-2-124-139

D.O. Matyashova

Saint Petersburg State University,
119034, Saint Petersburg, Russian Federation

The United Nations and constructing an emotional regime around sustainable development: Challenges and solutions

The study of emotions in the context of international organizations contributes to a deeper understanding of the principles of their functioning. In this context, the study of the United Nations (UN) as an entity generating and transmitting political emotions regarding the solution of global problems of our time is a relevant task. The article analyzes how the UN stimulates and transmits emotions regarding sustainable development and what challenges it faces in doing so. For this purpose, the concept of sustainable development is considered in the context of U. Reddy's emotional regimes. An auxiliary method for analyzing the emotional regime regarding sustainable development is sentiment analysis using the distilBERT language model. As a result, it was revealed that the UN forms an emotional regime regarding sustainable development by identifying objects of empathy that are specific and close to individuals, by transmitting emotions from various sources with different target audiences, by ensuring the unity of the emotional regime in terms of the register of transmitted emotions. At the same time, the weakening of associative links between sustainable development

practices and the organization itself, as well as the lack of coordination in the maintenance of the regime by actors, and the need for the UN to provide a platform for those who disagree with the ideas of sustainable development and express negative emotions about it remain challenging for the UN.

Key words: sustainable development, United Nations, political emotions, emotional regime, William Reddy, sentiment analysis

FOR CITATION: Matyashova D.O. The United Nations and constructing an emotional regime around sustainable development: Challenges and solutions. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2025. Vol. 16. No. 2. Pp. 124–139. (In Rus.). DOI: 10.31862/2500-2988-2024-16-2-124-139

Изучение фактора эмоций в международных отношениях, популяризованное в начале 2000-х гг., сохраняет востребованность в современных политических исследованиях. Среди данных работ выделяются исследования, посвященные эмоциям в контексте международных организаций. Так, А.-М. Худ изучает особенности и формы эмоциональной привязанности индивидов к Европейскому Союзу как эмоциональному сообществу, объединенному общими ценностями и моральными императивами [17, р. 12–13]. Дж. Хоган анализирует Африканский Союз как сообщество безопасности, на нормы которого воздействует чувство стыда [15, р. 88]. В категорию эмоциональных сообществ безопасности С. Кошут помещает НАТО [19], в то время как М. Халилович и Р. Робертс анализируют чувства сообществ жителей Боснии и Герцеговины, связанных с Североатлантическим Альянсом¹.

Данное направление представляется актуальным как с методологической, так и с общетеоретической точек зрения. Во-первых, оно углубляет знания об участниках международных отношений, отличных от классических суверенных государств и не сводимых к их совокупности, что вносит вклад в понимание феномена акторности. Во-вторых, оно обращает внимание на то, каким образом эмоции вырабатываются и проявляются в рамках организаций, что углубляет знание о принципах их функционирования. В-третьих, оно позволяет выявить, как коллективная и надгосударственная сущность организаций воздействует на их политическую субъектность, отражаемую в дискурсивном и эмоциональном как его части.

¹ Halilović M., Roberts R. The Geopolitics of Emotion: Emotional Perceptions of NATO in Bosnia and Herzegovina // Atlantic Initiative. 2024. URL: <https://atlantiskainicijativa.org/wp-content/uploads/2024/10/Policy-Paper-Emotional-Perceptions-of-NATO-in-Bosnia-and-Herzegovina.pdf> (дата обращения: 14.03.2025).

В этом смысле изучение Организации Объединенных Наций (ООН) как актора, генерирующего и транслирующего политические эмоции, представляет собой актуальную задачу. С одной стороны, международное сообщество возлагает на ООН функцию решения глобальных проблем, например, изменения климата, нарушения прав меньшинств, ликвидации последствий многосторонних конфликтов, борьбы с бедностью и пр. Успешная работа по решению этих проблем зависит от способности организации к эффективной мобилизации ресурсов, в т.ч. за счет стимулирования коллективных эмоций по поводу существующих вызовов и угроз. С другой стороны, международное сообщество, а вместе с ним и ООН сталкивается со значительными сложностями с выполнением этой функции. Так, по данным МВФ, даже до пандемии COVID-19 мировые экономические и экологические тренды отклонялись от показателей, которые позволяли бы достичь целей устойчивого развития к 2030 г.²

На фоне этого ООН рассматривается в сообществе исследователей, изучающих политические эмоции, в основном, не как самостоятельный актор, стимулирующий у мирового сообщества чувства по поводу глобальных проблем современности, а как площадка для трансляции чувств других акторов–личностей, государств и их блоков. Так, О.Ю. Пашкевич и К.М. Табаринцева-Романова рассматривают Совет Безопасности ООН как пространство для выстраивания политического дискурса на глобальном уровне, в т.ч. с помощью эмоционально окрашенных высказываний, которые служат инструментами хеджирования, применяемого национальными государствами [10, с. 95–96]. Л.Э. Гейвандян, рассматривая дискурс, формируемый Гретой Тунберг, также видит в ООН прежде всего площадку для трансляции эмоций отдельной личности [1]. Аналогичного подхода придерживаются Т.М. Голубева и Т.А. Поскребышева, для которых объектом анализа становится дискурс о российско-сирийском конфликте, модифицируемый США на площадке ООН [2]. А. Джонс и Дж. Кларк рассматривают ООН как пространство, в рамках которого разворачивается «дипломатическое представление» (diplomatic performance), включающее в себя эмоциональный элемент [18, p. 1265], но в данном случае организации отводится роль среды, а не самостоятельного субъекта, транслирующего эмоции. Схожий подход демонстрирует и М. Гольцева, выделяющая чувствительные темы, по поводу которых дипломаты в ООН

² Benedek D., Gemayel E.R., Senhadji A.S., Tieman A.F. A Post-Pandemic Assessment of the Sustainable Development Goals // International Monetary Fund, 2021. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/Staff-Discussion-Notes/Issues/2021/04/27/A-Post-Pandemic-Assessment-of-the-Sustainable-Development-Goals-460076> (дата обращения: 14.03.2025).

высказываются эмоционально [16, р. 18]. Исключением может служить исследование Ю.Ю. Колотаева, который отмечает, что структуры системы ООН, в частности, ЮНЕСКО, предлагают меры по регулированию эмоциональных режимов, для которых характерно применение риторики ненависти [5, с. 522]. Тем не менее, данная регуляция носит характер мягкого права и ориентирована на узкую проблематику.

При этом ООН и входящие в систему ее организаций международные структуры способны генерировать демонстрирующий и стимулирующий эмоции контент. Примерами могут служить выступления функционеров, представляющих ООН в публичном пространстве, например, речь Антониу Гуттериша на Всемирном экономическом форуме в Давосе, насыщенная эмоциональными метафорами («Пандоров ящик бед», «процентные платежи, съедающие 27% доходов африканских государств», «реформа образов мыслей», «зависимость от углеводородного топлива – монстр Франкенштейна», «под постоянной тенью ядерного уничтожения»)³. При этом эмоциональной насыщенностью отличаются и официальные документы, адресованные не широкой публике, а экспертам и политикам. Примером может служить введение к Обзору Международной комиссии по окружающей среде и развитию в докладе «Наше общее будущее» комиссии Г.Х. Брундтланд, где были выражены одновременно чувства надежды («надежды Комиссии на будущее могут сбыться...») и тревоги («наша задача – выступить с предупреждением – срочным предупреждением»)⁴.

Цель исследования заключается в выявлении подходов, с помощью которых ООН как политический субъект стимулирует и транслирует эмоции по поводу устойчивого развития, и вызовов, с которыми организация при этом сталкивается. Для этого концепция устойчивого развития и ее практическое воплощение в представленной работе рассматриваются в контексте эмоциональных режимов У. Редди, которая в данном случае служит моделью, устанавливающей связь между политической властью – проявлением политической субъектности, и регулированием эмоциональных проявлений. Модель Редди дополнена за счет выявления инструментов, необходимых политическому субъекту для построения стабильных эмоциональных режимов.

³ Davos 2025: Special Address by António Guterres, Secretary-General, United Nations // World Economic Forum, 2025. URL: <https://www.weforum.org/stories/2025/01/davos-2025-special-address-by-antonio-guterres-secretary-general-united-nations/> (дата обращения: 14.03.2025).

⁴ ООН. Наше общее будущее: доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию / под ред. Г.Х. Брундтланд. URL: <https://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf> (дата обращения: 14.03.2025).

В качестве одного из инструментов для характеристики эмоционального режима по поводу устойчивого развития служит сентимент-анализ двух отличных друг от друга массивов текста – плана действий ООН в сфере устойчивого развития “Transforming our world: The 2030 Agenda for Sustainable Development”⁵, принятого в 2015 г., и корпуса постов генерального секретаря ООН Антониу Гуттериша в социальной сети X⁶, содержащих слова *sustainable* и *development* и опубликованных с апреля 2017 по март 2025 г.⁷ Выборка обусловлена фокусом на устойчивом развитии и релевантностью плана действий для избранного периода. Посты со страницы генерального секретаря были отобраны вручную посредством алгоритма “from: antonio gutterres sustainable development” в адресной строке.

В свою очередь, выбор разнородных текстовых массивов связан с необходимостью сравнения заявлений ООН для разных адресатов: для экспертного сообщества, политиков и активистов в случае с планом действий и для более массовой аудитории в случае с постами генерального секретаря ООН. Сентимент-анализ был произведен с использованием языковой модели distilBERT⁸. В качестве модели анализа тональности была использована distilbert/distilbert-base-uncased-finetuned-sst-2-english из библиотеки предобученных моделей Hugging Face’s Transformers⁹. Единицами анализа служили отдельные предложения, тональность которых кодировалась в соответствии с коэффициентами: 1 – позитивная; 0 – нейтральная; –1 – негативная.

Для обработки текстовых массивов – разделения их на отдельные предложения – были использованы материалы программной библиотеки spaCy¹⁰.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. в общественных науках произошел т.н. эмоциональный поворот, который выражался в росте интереса исследователей к фактору эмоций в социальных процессах. Он был простимулирован, с одной стороны, работами бихевиористов, которые рассматривали эмоции как часть коммуникационного механизма,

⁵ The 2030 Agenda for Sustainable Development. United Nations. URL: <https://sdgs.un.org/2030agenda> (дата обращения: 14.03.2025).

⁶ Заблокирована в России на основании решения Генеральной прокуратуры в соответствии со статьей 15.3 закона «Об информационных технологиях и защите информации».

⁷ António Guterres. X. URL: <https://x.com/antonioguterres> (дата обращения: 14.03.2025).

⁸ Sanh V., Debut L., Chaumond J., Wolf T. DistilBERT, a distilled version of BERT: smaller, faster, cheaper and lighter. 2019. URL: [arXiv preprint arXiv:1910.01108](https://arxiv.org/abs/1910.01108). (дата обращения: 14.03.2025).

⁹ Transformers Documentation. Hugging Face. URL: <https://huggingface.co/docs/transformers/index> (дата обращения: 14.03.2025).

¹⁰ spaCy. URL: <https://spacy.io/> (дата обращения: 14.03.2025).

нацеленного на научение индивида одобряемым в обществе реакциям, с другой – постмодернистскими поисками дискурсивных оснований для социальных процессов. Изначально исследования, проводимые в рамках эмоционального поворота, содержали общие описания механизмов воздействия эмоций на индивидов и социальные группы. Примерами таких работ могут служить «Социологическая пронизательность» Р. Коллинза [4] и «Управляемое сердце» А. Хохшильд [12].

Позднее исследователи эмоций в социальном стали ориентироваться на более узкие объекты изучения, например, конкретные исторические периоды (С. Брумхолл – Раннее Новое время [14], А. Зорин – период Екатерины II в России [3], Д. Буке и П. Надь – Средние века [13]) или определенные сообщества, например, сословия или классы (Т. Роган – аффективный фактор моральных экономий пролетариата [7; 21, р. 7]), религиозные объединения (Б. Розенвейн – трансформация выражения эмоций в раннесредневековой христианской Западной Европе [22, р. 70]). Это способствовало выработке описательных моделей регулирования эмоциональных проявлений в контексте власти, поскольку рассматриваемые периоды и сообщества характеризовались конкретными социокультурными и социально-политическими особенностями, создавшими возможности для проявления эмоций.

Одной из ключевых моделей, выработанных в рамках данного направления, стали эмоциональные режимы У. Редди. Под ними он понимал совокупность эмотивов – дискурсивных актов, одновременно демонстрирующих эмоции и нацеленных на их изменение, которые предписаны в конкретном сообществе и связаны с ним ритуалами и символическими практиками [9, с. 420; 20]. В данной модели прослеживаются акценты на контроле над проявлением эмоций в публичном пространстве и принуждению к их демонстрации и переживанию в определенных структурах (армия, школа, церковь) [9, с. 420], а также на подкреплении эмоциональными режимами режимов политических.

Для осуществления принуждения субъекту, выстраивающему эмоциональный режим в этой логике, необходимо располагать инструментами как для стимулирования эмоций, так и для их сдерживания. К инструментам для стимулирования эмоций можно отнести различные дискурсивные элементы (от отдельных метафор или указывающих на чувства слов до сложных текстов и их корпусов, а также аудиовизуальных материалов, отсылающих к таким текстам), телесные практики, помещенные в локальный культурно-дискурсивный контекст (например, публичные шествия, символизирующие единение по какому-либо вопросу), и их комбинации (например, лозунги на политических демонстрациях). Эффективность такого инструментария зависит от способности, с одной

стороны, простимулировать эмоции у как можно большего числа индивидов, с другой – добиться стабильной воспроизводимости этих эмоций. Данные компоненты значимы, поскольку массовые и регулярно воспроизводимые эмоции служат одновременно мотиваторами для вовлечения в долговременные политические процессы и элементами поддержания стабильности существующих институтов.

Стабильная воспроизводимость, в свою очередь, зависит от способности объектов воздействия эмоционального режима регулярно вовлекаться в переживание транслируемых эмоций на материально-физическом, дискурсивном и эмоционально-идентичностном уровнях, т.е. совершать действия, простимулированные эмоциями или служащие инструментами их стимуляции, потреблять и воспроизводить контент, выражающий те или иные эмоции, и эмоционально соотносить себя с переживающим данные эмоции сообществом или объектом, по поводу которого предлагается их переживать. Примером может служить флэшмоб “Je suis Charlie” («Я – Шарли»; «Шарли» здесь – французское издание политической сатиры Charlie Hebdo, редакция которого подверглась атаке террористов 7 января 2015 г.), в рамках которого широкое сообщество интернет-пользователей выражало скорбь по жертвам террористического акта, осуждение терроризма и энтузиазм по поводу ценности свободы слова. Это выражалось в публичном соотношении себя с жертвами террористического акта посредством дискурсивных актов (использование траурных аватарок в социальных сетях и хэштегов #JeSuisCharlie) или участия в уличных акциях памяти¹¹. Позднее схожий инструментарий – модифицированные лозунги с начальным “Je suis...” («Я есть...») и их распространение в социальных сетях – использовался для выражения скорби по жертвам других терактов (например, 13 ноября 2015 г. в Париже¹² или 22 марта 2016 г. в Брюсселе¹³).

Обеспечение стабильной воспроизводимости эмоций в режимах представляет собой вызов, как в силу массового вовлечения индивидов в переживание и демонстрацию эмоций, так и в силу появления противопоставляющих себя режиму субъектов, которые могут либо скрываться в «эмоциональных убежищах» – пространствах, где они могут

¹¹ “Je suis Charlie”. В мире скорбят о жертвах теракта в редакции парижской газеты // ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1687385> (дата обращения: 14.03.2025).

¹² Attentats de Paris : après #JeSuisCharlie, #JeSuisParis. CNews. URL: <https://www.cnews.fr/france/2015-11-14/attentats-de-paris-apres-jesuischarlie-jesuisparis-715779> (дата обращения: 14.03.2025).

¹³ Cartoon tributes after Brussels terror attacks show ‘Je Suis Bruxelles’ is a unified cry // Romper. URL: <https://www.romper.com/p/cartoon-tributes-after-brussels-terror-attacks-show-je-suis-bruxelles-is-a-unified-cry-7533> (дата обращения: 14.03.2025).

проживать ненормативные эмоции, либо открыто демонстрировать свой отличный от режима стиль чувствования. Так, одновременно с флэшмобом “Je suis Charlie” в социальных сетях протекала аналогичная акция “Je ne suis pas Charlie” («Я не Шарли»), участники которой выражали негативные эмоции по отношению к редакционной политике издания и членам сообщества, солидаризировавшего себя с Charlie Hebdo¹⁴.

В связи с этим политическим субъектам для формирования и поддержания эмоциональных режимов, помимо инструментов стимуляции, необходимы инструменты сдерживания. Они могут включать прямой контроль за выражением эмоций, обычно в рамках публичных мероприятий или внутри узких сообществ, а также осуждение – публичное или скрытое – проявления ненормативных эмоций. Примером может служить реакция отдельных пользователей социальных сетей на флэшмоб “Je ne suis pas Charlie” – обвинение провозглашающих лозунг в «поддержке жестокости в ответ на искусство, в цинизме, равно как и варварстве»¹⁵.

В то же время эффективность инструментов сдерживания прямо пропорциональна авторитету и власти, которыми уже располагает субъект, создающий и укрепляющий режим, и обратно пропорциональна масштабности режима, т.е. числу тех, на кого он пытается воздействовать. Это связано с тем, что у большего в абсолютных числах количества несогласных с продвигаемыми эмоциональными режимами больше ресурсов для формирования эмоциональных убежищ, в то время как от власти и авторитета субъекта – создателя режима зависит его способность препятствовать консолидации убежищ или альтернативных режимов.

В качестве примера можно привести ситуацию в городах Ростовской области и Краснодарского края 1920-х и начала 1930-х гг. Так, в Ростове несогласные с советской властью казаки, по свидетельству Н.А. Быкова, «на... тайных сходах... вспоминали старые времена, говорили об ужасном положении казаков и всего населения России при сов[етской] власти и строили всевозможные несбыточные планы на будущее, питая надежду, что когда-нибудь и для них наступят “золотые денечки”»¹⁶. В данном случае имело место непризнание авторитета советской власти и продвигаемых ею эмоциональных режимов. С.С. Перов, анализируя ситуацию с казаками в своей статье, сопоставил

¹⁴ Je Ne Suis Pas Charlie : Mouvement à Contre-Courant sur les Réseaux. HuffPost. URL: https://www.huffpost.com/archive/qc/entry/je-ne-suis-pas-charlie-mouvement-a-contre-courant-sur-les-resea_n_6431688 (дата обращения: 14.03.2025).

¹⁵ Там же.

¹⁶ Быков Н.А. Казачья трагедия. Нью-Йорк, 1959. С. 61.

их поведение с поведением рядовых рабочих на Дону и Кубани. Заводские работники в этом регионе открыто выражали свои отрицательные эмоции по поводу роста норм выработки и понижения тарифов оплаты труда, несмотря на попытки советской власти стимулировать энтузиазм по поводу перевыполнения планов и сформировать восприятие труда как подвига [8, с. 25]. В данном случае можно говорить о формировании альтернативного режима в условиях, когда группа его сторонников многочисленна и располагает ресурсами для консолидации (в частности, статусом «правлящего класса и самого прогрессивного слоя населения» [Там же, с. 24] для рабочих).

Таким образом, политическому субъекту, который стремится выстроить эмоциональный режим, необходим инструментарий стимулирования эмоций, обеспечивающий их переживание на материально-физическом, дискурсивном и эмоционально-идентичностном уровнях, а также инструментарием сдерживания. Эффективность сдерживания прямо пропорциональна авторитету и власти, которыми уже располагает субъект, и обратно пропорциональна масштабности режима.

ООН представляет собой специфический политический субъект. С одной стороны, организация предоставляет своим членам – государствам – платформы (например, саммит Генеральной Ассамблеи) для трансляции их собственных мнений (и эмоций) относительно международных проблем. С другой стороны, функции ООН не сводятся к созданию пространства для репрезентации государственных позиций: организация ставит перед собой цели поддержания мира и безопасности на планете и решения глобальных проблем, претендуя таким образом на представительство мирового сообщества в целом. Решение этих проблем достигается за счет функционирования системы ООН – совокупности специализированных учреждений, программ и фондов¹⁷.

Потенциально это создает возможности для формирования глобального эмоционального режима. В то же время отдельные индивиды не воздействуют на решения, принимаемые в рамках ООН, напрямую, а работа организации, направленная на решение глобальных проблем, на индивидуальном уровне опосредована деятельностью национальных государств или некоммерческих организаций (НКО). В результате ослабевает то, что А.-М. Худ называет «индивидуальной эмоциональной привязанностью» к международному объединению [17, с. 5], т.е. способностью соотносить себя с ним и его ценностями, а также испытывать эмоции по поводу его деятельности.

¹⁷ Система ООН. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-system> (дата обращения: 01.04.2025).

В случае с концепцией устойчивого развития, выработанной в 1970–1980-х гг. под непосредственным влиянием ООН (например, в разработке Всемирной стратегии охраны природы 1980 г. – первого международного документа, где содержалось упоминание устойчивого развития [6, с. 114] – принимали участие Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН (ФАО) и Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО)¹⁸), имела место попытка ответить на данный вызов. Во-первых, устойчивое развитие само по себе определялось как модель экономики, при которой «удовлетворение потребностей настоящего времени не подрывает способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности»¹⁹, т.е. объектом сопереживания становились будущие поколения, с которыми индивидам комфортнее себя ассоциировать, чем с универсальной организацией в целом. Во-вторых, при дальнейшем воплощении концепции устойчивого развития в жизнь ООН выделила конкретные цели (8 целей развития тысячелетия в 2000 г. и 17 целей устойчивого развития в 2015 г.), ориентированные на защиту либо конкретных уязвимых групп (женщин, бедных, неграмотных и пр.), либо конкретных объектов биосферы (лесов, морских экосистем и пр.). Это способствует четкому очерчиванию объектов сопереживания на индивидуально-личностном уровне и стимулирует к конкретным эмоционально заряженным действиям на материально-физическом уровне.

На дискурсивном уровне ООН активно стимулирует эмоции по поводу устойчивого развития и работе по его достижению. В эмоциональное стимулирование вовлечены различные элементы системы организации: генеральный секретарь как главный публичный представитель, специализированные учреждения, программы и фонды как ответственные за конкретные направления, специализированные группы (например, группа ООН по устойчивому развитию – ГООНУР). Это способствует диверсификации инструментов эмоционального стимулирования: например, на платформе ГООНУР для информирования об инициативах организации, направленных на достижение целей устойчивого развития, применяется прием

¹⁸ «Зеленый мир – международные экологические организации». Электронное справочное издание // Тверская областная универсальная научная библиотека им. А.М. Горького. URL: http://old-www.tverlib.ru/izdaniya/zeleny_mir/programmi.html (дата обращения: 01.04.2025).

¹⁹ ООН. Наше общее будущее: доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию / под ред. Г.Х. Брундтланд. URL: <https://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf> (дата обращения: 14.03.2025).

сторителлинга²⁰, что усиливает сочувствие уязвимым группам, в то время как ФАО создает видеоматериалы, наглядно демонстрирующие прогресс в достижении целей устойчивого развития²¹ и стимулирующие гордость за эту деятельность.

В то же время эмоциональный режим ООН по поводу устойчивого развития остается единым и последовательным. Это достигается за счет того, что высказывания об устойчивом развитии от различных источников внутри ООН последовательно транслируют схожий регистр эмоций, вне зависимости от того, какой аудитории они адресованы и какой формат. Иллюстрацией данной особенности могут служить план действий ООН в сфере устойчивого развития “Transforming our world: The 2030 Agenda for Sustainable Development”²² и высказывания генерального секретаря организации об устойчивом развитии в разных контекстах в сети X²³. Данные корпуса текстов различаются одновременно целевой аудиторией (эксперты, активисты и лица, принимающие решения в сфере политики, в случае с планом действий, и широкий круг интернет-пользователей), характером источника (официальный документ, подготовленный группой специалистов, и высказывания конкретного индивида), форматом (последовательный документ и корпус кратких публикаций). Тем не менее сентимент-анализ демонстрирует, что, несмотря на различия, эти тексты носят близкую эмоциональную окраску. Ни план действий ООН в сфере устойчивого развития, ни высказывания генерального секретаря об устойчивом развитии в X²⁴ не содержат нейтрально окрашенных предложений, а показатели средней тональности у них составляют 0,85 и 0,685, что говорит о ярко выраженной положительной окраске.

С основным вызовом в построении эмоционального режима вокруг устойчивого развития ООН сталкивается на материально-физическом уровне. ООН может главным образом поощрять, поддерживать и стимулировать практики, направленные на реализацию целей устойчивого

²⁰ Активное долголетие: ЮНФПА помогает Казахстану использовать потенциал растущего числа пожилых людей // ГООНУР. URL: <https://unsdg.un.org/ru/latest/stories/активное-долголетие-юнфпа-помогает-казахстану-использовать-потенциал-растущего-числа> (дата обращения: 01.04.2025).

²¹ Справочный центр по целям в области устойчивого развития // Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных наций. URL: <https://www.fao.org/sustainable-development-goals-helpdesk/ru> (дата обращения: 01.04.2025).

²² The 2030 Agenda for Sustainable Development. United Nations. URL: <https://sdgs.un.org/2030agenda> (дата обращения: 14.03.2025).

²³ Зabloкирована в России на основании решения Генеральной прокуратуры в соответствии со ст. 15.3 закона «Об информационных технологиях и защите информации».

²⁴ Зabloкирована в России на основании решения Генеральной прокуратуры в соответствии со ст. 15.3 закона «Об информационных технологиях и защите информации».

развития, в то время как непосредственная организация таких практик возлагается на государства, сообщества, компании, группы интересов, НКО и пр. Данный подход сформировался в 1990-х гг., когда в Повестке дня на XXI век была предложена концепция национальных стратегий устойчивого развития²⁵. С одной стороны, это делает эмоциональный режим по поводу устойчивого развития более стабильным: во-первых, схожие эмоции по одним и тем же вопросам стимулируются у разных целевых аудиторий, во-вторых, у государств лучше, чем у международных организаций, получается выстраивать индивидуальные эмоциональные привязанности за счет опоры на местную идентичность. С другой стороны, в результате этого практики, в рамках которых выражаются эмоции по поводу устойчивого развития, начинают ассоциироваться не с самой ООН, а с другими субъектами.

Поддержание эмоционального режима по поводу устойчивого развития не только со стороны ООН, но и со стороны других политических субъектов упрощает сдерживание ненормативных эмоций: их проявление может подвергнуть осуждению сразу ряд государств и организаций, что делает давление на проявивших ненормативные эмоции более интенсивным. Тем не менее вызовом становится рассогласованность действий между задействованными в поддержании режима субъектами. Другим вызовом остается необходимость для ООН выполнять роль универсального форума и предоставлять площадку для выступлений в том числе для тех, кто не согласен с продвигаемыми ею режимами. Примером может ситуация с выступлением бразильского президента Жаира Болсонару на Генеральной Ассамблее ООН в 2019 г. В своей речи Болсонару выразил негативные эмоции по отношению к тем, кто провозглашает леса Амазонии «наследием человечества» и «легкими планеты», позиционируя такую риторику, проистекающую из холистического подхода к устойчивому развитию, угрозой суверенитету Бразилии²⁶. Риторику Болсонару осудили Международная амнистия²⁷ и Всемирный фонд дикой природы²⁸. В то же время термин «устойчивое развитие» в этом

²⁵ Национальные стратегии устойчивого развития (НСУР) // ООН. Департамент по экономическим и социальным вопросам. URL: <https://sdgs.un.org/ru/topics/national-sustainable-development-strategies> (дата обращения: 1.04.2025).

²⁶ Brazilian President speaks out against ‘media lies’ surrounding Amazon fires // United Nations. URL: <https://news.un.org/en/story/2019/09/1047192> (дата обращения: 1.04.2025).

²⁷ Входит в «Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации» Минюста России (<https://minjust.gov.ru/ru/documents/7756/>).

²⁸ Входит в «Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации» Минюста России (<https://minjust.gov.ru/ru/documents/7756/>).

контексте использовал Всемирный фонд дикой природы²⁹, в то время как Международная амнистия³⁰ отослала к «климатической справедливости» – близкой, но более узкой концепции.

Таким образом, ООН способствует формированию эмоционального режима по поводу устойчивого развития за счет выделения конкретных и близких индивидам объектов сопереживания, трансляции эмоций из различных источников с разными целевыми аудиториями, единства эмоционального режима с точки зрения регистра транслируемых эмоций и привлечения к стимулированию эмоций государств и НКО. В то же время вызовами для ООН остается ослабление ассоциативных связей между практиками устойчивого развития и самой организации из-за существования «посредников», а также рассогласованность действий между задействованными в поддержании режима субъектами и необходимость для ООН предоставлять площадку для не согласных с идеями устойчивого развития и выражающих по ее поводу негативные эмоции.

Библиографический список / References

1. Гейвандян Л.Э. Эмоциональная аргументация в политическом дискурсе: на материале выступления Греты Тунберг в ООН // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. Вып. 10. С. 232–236. [Geyvandyan L.E. Emotional argumentation in political discourse: By the example of Greta Thunberg's UN speech. *Philology. Theory & Practice*. 2020. Vol. 13. No. 10. Pp. 232–236. (In Rus.)]
2. Голубева Т.М., Поскребышева Т.А. Языковые и риторические средства делегитимизации России и Сирии в речи представителей США при ООН // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 4 (70). Ч. 1. С. 68–70. [Golubeva T.M., Poskrebysheva T.A. Language and rhetorical means of delegitimization of Russia and Syria in the speech of the USA representatives in the United Nations. *Philology. Theory & Practice*. 2017. No. 4 (70). Part 1. Pp. 68–70. (In Rus.)]
3. Зорин А.Л. Появление героя: из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX века. 2-е изд. М., 2024. [Zorin A.L. Poyavlenie heroja: iz istorii russkoj emocionalnoj kultury koncza XVIII – nachala XIX veka [The appearance of the hero: From the history of Russian emotional cultures of the late 18th – early 19th centuries]. Moscow, 2024.]

²⁹ Входит в «Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации» Минюста России (<https://minjust.gov.ru/ru/documents/7756/>).

³⁰ Входит в «Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации» Минюста России (<https://minjust.gov.ru/ru/documents/7756/>).

4. Коллинз Р. Социологическая проникаемость: Введение в неочевидную социологию / пер. с англ. В.Ф. Анурина. М., 2004. [Collins R. Sociologicheskaya proniczatelnost: Vvedenie v neochevidnyuyu sociologiyu [Sociological insight: An introduction to Non-Obvious Sociology]. Moscow, 2004.]
5. Колотаев Ю.Ю. Политические последствия цифровизации риторики ненависти в эпоху постправды: влияние на эмоциональные режимы в ходе цифровых конфликтов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 3. С. 517–529. [Kolotaev Yu.Yu. Political implications of hate speech digitalization in a Post-Truth Era: Impact on emotional regimes in digital conflicts. *RUDN Journal of Political Science*. 2022. No. 24 (3). Pp. 517–529. (In Rus.)]
6. Левина Е.И. Понятие «Устойчивое развитие». Основные положения концепции // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 11 (79). С. 113–119. [Levina E.I. “Sustainable development” notion. The main provisions of conception. *Tambov University Review. Series: Humanities*. 2009. No. 11 (79). Pp. 113–119. (In Rus.)]
7. Николай Ф. История эмоций: три версии // Новое литературное обозрение. 2019. № 156 (2). URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/156_nlo_2_2019/article/20912/ (дата обращения: 14.03.2025). [Nickolai F. The history of emotions: Three versions. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2019. No. 156 (2). URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/156_nlo_2_2019/article/20912/ (In Rus.)]
8. Перов С.С. Выражение эмоций в среде пролетариата городов Кубани и Дона в 1920–1930 годы // Научный журнал. 2017. № 1 (14). С. 24–27. [Perov S.S. Expression of emotions among the proletariat of the cities of Kuban and Don in the 1920–1930s. *Nauchny zhurnal*. 2017. No. 1 (14). Pp. 24–27. (In Rus.)]
9. Плампер Я. История эмоций / пер. с англ. К. Левинсона. 2-е изд. М., 2018. [Plamper J. Istoriya emocij [The history of emotions: An introduction]. Moscow, 2018.]
10. Табаринцева-Романова К.М., Пашкевич О.Ю. Стратегии хеджинга в политическом дискурсе (на примере заседания Совета Безопасности ООН по вопросу гражданской войны в Ливии 2011 г.) // Tempus et memoria. 2018. Т. 13. № 2/176. С. 93–99. [Tabarinceva-Romanova K.M., Pashkevich O.Yu. Hedging strategies in political discourse (using the example of the UN Security Council meeting on the issue of the civil war in Libya in 2011). *Tempus et memoria*. 2018. Vol. 13. No. 2/176. Pp. 93–99. (In Rus.)]
11. Фрейзер Н. Фуко о современной власти: эмпирические прозрения и нормативная путаница / пер. с англ. В. Макарова // Неприкосновенный запас. 2013. № 88 (2). URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyi_zapas/88_nz_2_2013/article/10410/ (дата обращения: 14.03.2025). [Fraser N. Foucault on modern power: Empirical insights and normative confusion. *Debates on Politics and Culture*. 2013. No. 88 (2). URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyi_zapas/88_nz_2_2013/article/10410/ (In Rus.)]
12. Хокшильд А.Р. Управляемое сердце: коммерциализация чувств / пер. с англ. И. Кушнаревой; под науч. ред. В. Данилова. М., 2019. [Hochschild A.R.

- Upravlyаемoe serdce: kommercializaciya chuvstv [The managed heart: Commercialization of human feeling]. Moscow, 2019.]
13. Boquet D., Nagy P. Medieval sensibilities: A history of emotions in the Middle Ages. Transl. R. Shaw. Cambridge, 2018.
 14. Early modern emotions: An introduction. S. Broomhall (ed.). New York, 2016.
 15. Hogan J.J. Shame, exasperation and institutional design: The African Union as an emotional security community. *African and Asian Studies*. 2023. No. 22 (1-2). Pp. 88–112.
 16. Holtseva M. Emotions in the diplomatic speech of the United Nations Security Council in 2023. *Linguarum Universe*. 2023. Vol. 1. Issue 1. Pp. 17–24.
 17. Houde A.M. Emotions, international relations, and the everyday: Individuals' emotional attachments to international organizations. *Review of International Studies*. 2023. Vol. 51. No. 3. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/review-of-international-studies/article/emotions-international-relations-and-the-everyday-individuals-emotional-attachments-to-international-organisations/82A7FFF2D8ED4874B4DFF27C999D9830#article> (date accessed: 14.03.2025).
 18. Jones A., Clark J. Performance, emotions, and diplomacy in the United Nations Assemblage in New York. *Annals of the American Association of Geographers*. 2019. No. 109 (4). Pp. 1262–1278.
 19. Koschut S. Emotional (security) communities: The significance of emotion norms in inter-allied conflict management. *Review of International Studies*. 2014. No. 40 (3). Pp. 533–558.
 20. Reddy W.M. The navigation of feeling: A framework for the history of emotions. Cambridge, 2001.
 21. Rogan T. The moral economists: R.H. Tawney, Karl Polanyi, E.P. Thompson and the critique of Capitalism. L., 2017.
 22. Rosenwein B.H. Emotional communities in the Early Middle Ages. Ithaca, 2006.

Статья поступила в редакцию 17.03.2025, принята к публикации 19.05.2025
The article was received on 17.03.2025, accepted for publication 19.05.2025

Сведения об авторе / About the author

Матяшова Дарья Олеговна – аспирант кафедры теории и истории международных отношений факультета международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет

Daria O. Matyashova – PhD student at the Department of Theory and History of International Relations of the Faculty of International Relations, Saint Petersburg University, Russian Federation

E-mail: dasham0708@mail.ru